

A romantic couple is shown in a close embrace, about to kiss. The man is on the left, wearing a white shirt, and the woman is on the right, wearing a black dress. They are outdoors, with a blurred background of greenery and warm lighting. The woman's hand is gently touching the man's face.

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

Навсегда

с тобой

Пелевина Катерина

Навсегда с тобой

«Литнет»

2024

Катерина П.

Навсегда с тобой / П. Катерина — «Литнет», 2024

Три месяца назад он клялся мне в любви, а затем подло бросил меня, потому что я была не готова заниматься с ним сексом. Оказалось, что все его ухаживания и нежность были лишь для того, чтобы затащить меня в постель. А теперь я знаю, что он вернулся к бывшей. Счастлив и ведёт привычный образ жизни. Мы с ним абсолютно не подходим друг другу. Нам не по пути. Так отчего же внутри до сих пор так болит? Первая книга - «Никогда с тобой»; Содержит нецензурную брань

© Катерина П., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	15
Глава 6.	18
Глава 7.	21
Глава 8.	24
Глава 9.	27
Глава 10.	29
Глава 11.	32
Глава 12.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1.

От автора: Добро пожаловать в продолжение...

Доманская Елена (Мелкая)

Три месяца спустя.

Мы не общаемся. Не здороваемся и даже не смотрим друг на друга. Я сижу впереди, он сзади. У него прежняя жизнь. Машина, аморальные придурки-друзья. Всё так, как должно быть.

На носу экзамены и выпускной. И Вера Степановна говорит, что возлагает на меня основные нюансы подготовки актового зала к торжеству. Украшения, музыку и прочее. Это, конечно, неожиданно, но совсем не здорово. Ведь мне немного не до этого. ВУЗ, на который я замахнулась, не терпит четвёрок. А времени катастрофически не хватает.

Но, если задуматься... Я просто пытаюсь искать способы не думать о нём. Не вспоминать. Загружать себя побольше, чтобы ни одной неправильной мысли. Ни одного взгляда. Ни одной червоточки внутри сердца. Я и так кое-как его склеила.

После уроков я тут же бегу домой. Ни маме, ни Кристине я не озвучивала истинные причины нашего расставания. Не знала, как сказать такое... Что меня бросили, потому что я не дала ему. Не захотела с ним секса, а он думал только об этом... И всё это время ухаживал только для этого... Всё это так мерзко, что не хочется вспоминать.

– Ого, Лена... Привет, – встречаю по пути домой Илью. И я реально рада его видеть. Он – другой. Хороший и добрый. Надеюсь, у него всё хорошо. – Сто лет не виделись...

– Да, и вправду. Как ты? Как твои дела? Соревнования?

– Всё путем, да... Отцу провели операцию... Сейчас вот отходит, уже бодрячком...

– Операцию? А что случилось?

– А ты не застала, да? Сердце... Я уже и забыл. Всё в суматохе. Сильно переживал. Операцию делали. Повезло, что он тренер заслуженный. Бесплатно сделали... Я бы просто не вынес...

– Слушай, это хорошо. Но сейчас уже всё нормально, да? Он поправляется?

– Да... Слава Богу. А как у вас с Яром? Он молчит, но...

– Нет. Никак, Илья. Я уже пойду, ладно? Кристина передавала привет. Мне правда пора... И папе своему передавай, пусть встаёт на ноги. Обнимаю.

Внутри всё ноет. Так хочется умереть.

– И ей привет. Ты забегай, если что, – кричит он мне вслед, но я уже убегаю оттуда быстрее пули. Влетаю в свой подъезд и стараюсь дышать. Я ненавижу то, что он со мной сделал. Я даже в своей комнате чувствую себя ужасно, потому что вспоминаю здесь его. Нас...

Успокаивая своё расходящееся по швам, кровоточащее сердце, пытаюсь найти силы радоваться жизни дальше, но вместо этого нахожу желание зубрить учебники, чтобы поскорее поступить на бюджет. Это всё, о чём я мечтаю.

А около трёх часов дня домой возвращается сестрёнка.

– Занимаешься? – заходит в комнату без стука.

– Да, ты что-то хотела?

– Нет, просто... – замолкает она. – Лен. Ты знаешь. Ты у меня очень хорошая. Очень – очень. И я хочу быть похожей на тебя.

Когда она это говорит у меня дрожит подбородок. Понимаю ведь, что хочет поддержать. Видит моё состояние... Всё это время видит. И, наверное, ей тяжело, потому что я никогда такой не была раньше. Обычно я сдержанная и все мои эмоции под контролем. А тут...

– Спасибо, родная, – я обнимаю её и целую в макушку.

– Прости, что я тебя подталкивала к нему... Он не стоит тебя... Не стоит даже твоего пальца. Вообще ничего не стоит! – прорывает её чуть ли не со слезами на глазах, а я хмурюсь.

– Почему ты так говоришь? М? Родная...

– Потому что он снова с этой Шаховой гуляет! Я их видела! Они за руку шли! И две недели назад тоже! Я не хотела говорить, но я его теперь ненавижу из-за тебя! Презираю! Какая я была дура, что верила в любовь! Её не существует! Ничего из этого...

Кристина рыдает, и я чувствую, как из уголков моих глаз выступают слёзы. Знала ли я что будет так больно? В глубине души – да... Я догадывалась...

Что он выберет доступность. Что вернётся к ней. К той, которая готова заниматься с ним всеми этими вещами. Да, я знала...

Но чувствовать это в реальности иначе, чем в мыслях. Словно душа ломает тебя настолько, что ты испытываешь даже физическую боль. В горле сухо. Огненное жжение везде, где только можно.

– Всё хорошо, Крис... Не надо себя винить, – глажу я её по голове. Успокаиваю, как могу, хотя у самой внутри снова разрыв сердца. Все швы разошлись. Улыбаюсь. Так легче спрятать эту боль. – Один мужчина уже бросил нас, когда было сложно. Мы ведь выдержали? И тут выстоим. Мы же вместе... Малышка. Да?

– Да, Лен... Мы сестры навсегда.

Прижимая к себе сестрёнку понимаю, что ближе её и мамы у меня нет никого. И никто мне не нужен. Никто. Пусть так и остаётся... Пусть всё былое забудется. Я поступлю, закончу, буду работать. Не буду ни в чём нуждаться. Буду помогать семье... У меня всё будет хорошо.

И у тебя обязательно будет, Кристиночка...

И конфеты, и куклы, и море... И всё остальное.

Я об этом позабочусь, родная моя.

– Вот эти красивые, Вера Степановна. А хватит бюджета? – спрашиваю, выбирая декорации в каталоге.

– Хватит, Лена. Не переживай. И спонсоры, и директор. Ты, главное, всё подготовь. Зал разгребите и всё такое. Может, Ярового тебе в помощники предложить?

– Нет, Вера Степановна! – выпаливаю я, стискивая челюсть. – Кого угодно, только не его.

– А Филиппов подойдёт?

– Подойдёт.

– Вот и отлично. А-то он у меня давно напрашивается своими выходками. Хотя бы так отработает, – улыбается она, а я просто киваю.

Мне наплевать, с кем всем этим заниматься. Только бы не с Яровым...

Всё остальное не важно...

Глава 2.

Доманская Елена (Мелкая)

– Так, ну, и чем тебе помочь, Мелкая? – спрашивает меня Филиппов с характерной едкой усмешкой, появившись на пороге спортзала. Как же он мне его напоминает. Как ни крути, свои образы аморальных спортсменов они точно слизывали друг с друга.

– Не называй меня так.

– А... Значит, только ему можно? – смеётся он, отпिनывая воздушные полусдутые шары, оставшиеся с прошлого мероприятия, а я огрызаюсь:

– Никому нельзя!

– Хо-ро-шоооооо, – тянет он, глядя на меня. – Чё злая-то такая?

– Ничего. Давай лучше вытаскивай из подсобки маты и козла. Там будут колонки и диджей. Всякое такое.

– Лады, Доманская, как скажешь... Будет тебе и козёл, и маты... – говорит он и ржёт, а я закатываю глаза от его шуточек.

Около трёх часов уходит, чтобы разобрать всё, а на остальное пока нет времени. Филя отряхивает руки и штаны, а потом смотрит на меня пристальным взглядом.

– Не, а если серьёзно. У вас чё-то произошло, да?

– Не твоего ума дело. Всё, спасибо и свободен, Филиппов!

Парень вздыхает и уходит, да и я через полчаса закрываю всё на ключ, после чего спешу домой к сестрёнке. Она, как и всегда, замороженно смотрит сериал, а в зале стоят нетронутые ведро и швабра. Прямо посередине комнаты. Видимо, ждут, когда она созреет... Ну или когда какой-нибудь Энрике или Рикардо засосёт в порыве страсти Аннабель, Мию, Генриетту или как там их зовут...

– Кристиииин...

– Блин, Лен, прости... Я сейчас, дорогая... Ещё чуть-чуть...

– Мама же расстроится... Завтра...

– Твой День Рождения! Я помню! – улыбается она, но не может отлипнуть от экрана. – Ещё одна серия и обещаю, что начну мыть.

– Хорошо... А я пока испеку коржи...

– Расслабилась бы... Можно же в магазине купить торт.

– Ну... Можно. Только он не будет таким вкусным, как домашний! – парирую я в ответ.

– Это да, ты права... Ну... Мануэль – козёл! – ругается сестра, а я вздыхаю. Качая головой, иду переодеваться, чтобы делать дела.

22 мая... Мой День Рождения уже завтра. Мне восемнадцать. Я ничего не жду от этого дня. Он точно такой, как остальные.

Убираемся вместе, торт почти готов. Завтра пропитается и будет идеально...

Я закрываю глаза с мыслью о том, что всё ещё чувствую Сашин запах на своей подушке, хоть и знаю, что это совсем не так...

Утро.

– Проснись и пой! С Днём Рождения!!! – Кристинка набрасывается прямо в кровати. Целует меня, обнимает и протягивает небольшой свёрток. – Это тебе... Я копила, – говорит она, и я улыбаюсь.

– Глупая... Не нужно было тратить... Что это? – открываю, а там красивый блокнот, оформленный в духе Кристинки.

– Записывай всё по учебе... И всякое такое... Или мысли, если захочешь...

– Спасибо, он очень красивый, – провожу я ладонью по обложке. – Буду использовать обязательно...

– Мама тоже приготовила подарок, идём, – она тянет меня за руку прямо из постели, и я выхожу, а мама... Обнимает меня и дарит мне красивый пакет. Я уже вижу, что она сильно потратилась. Я уже знаю... Потому что в курсе, что это за магазин...

– Мам... Что это... Зачем же...

Смотрю и вижу два комплекта дорогого нижнего белья. Она и так купила мне платье на выпускной, ещё и это. – Мам... Дорого ведь...

– Лена... Не надо, ладно? Носи с удовольствием. Я выбирала. Размер должен быть как раз. Если нет, можно обменять...

– Я померю... Ещё раз спасибо, очень красиво...

Обнимаю маму. Если честно, и не ожидала, что подарок будет таким смелым, но кто знает моё тело лучше мамы? Никто... Мы всегда вместе покупали мне белье. Ещё порой помогала моя подруга Дашка, но сейчас она во Владивостоке.

– Ты сегодня вернёшься пораньше со школы?

– Да, наверное... Немного ещё займусь спортзалом и вернусь часам к шести, не позже.

– Хорошо.

Так я и делаю. Мы с Филипповым выбрасываем весь мусор и, на удивление, он даже принёс мне шоколадку, потому что помнит про мой День Рождения. Это странно конечно. Хотя мы и одноклассники с первого, но всё же странно.

– С Днюхой, кароч... Всякое такое. Ванильное, классное. Улыбайся и пусть сиськи растут.

– Ага, спасибо, – благодарю я, сложив шоколадку в рюкзак, поворачиваюсь и вижу Яра. Он стоит и смотрит на нас по очереди каким-то пустым омертвевшим взглядом, и я молча ухожу оттуда, побыстрее перебирая ноги. Ни видеть, ни слышать, ни знать не хочу.

Дома ужинаем, я задуваю свечки на торте, загадываю желание. Каждый год одно и то же. Быть счастливой.

Но на этот раз я добавляю: «И чтобы боль внутри прошла хотя бы немного». Кристинка вызывается вымыть за меня посуду, я не возражаю, она и так редко это делает.

А уже вечером около восьми я лежу в своей комнате, записывая какие-то строки в новый блокнот. Я вовсе не талант, просто хочется что-то сочинить. Слышу звонок. Нехотя хмурю лицо. Не хочу идти туда, но дверь в мою комнату неожиданно открывается.

– Лен... Тут...

Андрей...

Я приподнимаюсь и смотрю на Кристину, а за её плечом уже рисуется его голова.

– Проходи. Привет ещё раз...

– Привет, и ещё раз с Днём Рождения, – он протягивает мне розы. Три красивые розы и подарочный пакет, но держит в руках еще один побольше.

– Зачем так много, Андрей! Боже мой.

– А это на ручке входной двери висело, я занёс.

Я хмурюсь и открываю его подарок. С моей любимой серией книг о Гарри Поттере. Три штуки.

– Серьёзно? Спасибо... Огромное спасибо...

– Пожалуйста, Лен...

Он ставит второй пакет на пол.

– Я хотел сказать, что сначала злился. Но потом... Я простил, Лен. Не сержусь больше. Ты же не виновата, что испытала тогда чувства к другому. И что я не нравился...

Я опускаю взгляд, сжимая в руках его подарок.

– Ещё раз прости меня.

– Не надо. Всё нормально. Я вроде как... Познакомился с девушкой.

– Да? Ой, как я рада, правда... – говорю я, улыбнувшись. Пусть хотя бы у него все будет хорошо. – Попьёшь чай? Я торт испекла...

– Да, можно, спасибо. Но недолго, – говорит он, и мы вместе идём на кухню. Как хорошо, что его нога зажила и что всё наконец наладилось...

Захожу в комнату минут через сорок.

Глядя на глянцевый белоснежный пакет не хочу даже подходить, но всё же открываю его и достаю изнутри серого медвежонка, у которого на шею надета золотая цепочка с кулоном в виде книжки. Ни записок, ничего.

Но я знаю, чей этот подарок.

Беру в руки украшение и начинаю плакать. Через минуту рыданий понимаю, что кулон открывается. Он точно выполнен на заказ. С одной его стороны внутри написано Е, а с другой... А.

И я тут же со злости бросаю его на свой стол. Ненавижу его. Подлый гадкий трус. Вытирая щёки, я засовываю всё обратно. Верну всё в понедельник. Мне ничего от него не нужно...

Пусть он катится к чёрту. А лучше к своей Шаховой...

Там ему и место.

Глава 3.

Доманская Елена (Мелкая)

– Забери и не приноси больше, – толкаю я ему пакет на перемене и выхожу из кабинета, даже не глядя ему в глаза. Сказать, что его жалкие попытки задеть меня, бесят – ничего не сказать. У меня внутри всё скручивает. Он мне каждую клетку ломает. Я его ненавижу.

А когда возвращаюсь, пакет снова стоит на моей парте. Хмурюсь. Демонстративно подхожу к окну, открываю его при всех и просто швыряю вниз подарок, закрывая обратно.

Естественно, стараюсь не смотреть на него, но взгляд, будто намагниченный ловит весь спектр его гневливых эмоций. Словно я не предупреждала. Сам виноват. Теперь пусть идёт и подбирает свои сокровища с земли.

Через минуту звучит звонок, и мы рассаживаемся по местам. В класс входит учитель, начинается математика. Так проходит весь день. С Сашей больше не контактирую. Надеюсь, он поступил с медведем и кулоном так же как когда-то сделал с варежками и шапкой – отдал Марине. Это в его стиле. Уж я-то теперь знаю.

Уже через неделю у нас выпускной. Я не хочу даже думать о том, что проведу там какое-то время, наблюдая за ними. Как они танцуют, лобызаются и прочее. Как только представляю, так всё тело покрывается липким потом. Я не должна была позволять ему себя касаться. Вообще никогда, потому что теперь считаю себя грязной. Особенно после новости о Шаховой.

Вечером того же дня мы с Филипповым моем зал.

– Почти всё разгребли...– вздыхаю я, и он протягивает руку, а я ударяю по ней.

– Хорошая работа. Осталось развесить всякую хрень и можно делать, что захотим... Жамкать Маринку... – играет он бровями.

– Боюсь, у тебя конкурент, – смеюсь я над ним. – Марина же с Сашкой встречается.

– Чё? В смысле?

– В прямом. Саша и Марина гуляли вместе за руки недели две назад и вчера тоже. Мне сестра сказала.

– Гонишь...

– Нет, не гоню.

– Вот Яр падла, а...

– Да мне, собственно, пофиг, – отмахиваюсь я, протягивая ему его рюкзак.

– Доманская, ты уверена?

– Ну раз мне сестра сказала, сам как думаешь?

– Бля, лучше бы ты мне сейчас ёбнула... – говорит он, осунувшись. Если честно, мне его немного жаль. Он так за ней бегаёт, а она влюблена в Сашу. Причем так сильно, что, кажется, точно в итоге женит его на себе.

– Не говори глупостей. Давай уже, Влад. Иди, я закрою...

– Давай, Доманская, – вздыхает он, глядя в пол, и уходит, а я убираю ведро и швабру в подсобку.

Выхожу и вдалеке зала вижу Яра, нагло забрасывающего мяч в корзину.

– Яровой, мне закрыть надо. Сейчас нельзя играть. Через неделю выпускной, – кричу ему эхом, а он продолжает красоваться. Бегаёт, прыгает, играет, как ни в чем не бывало. У меня в груди жжёт от его наглости. И от того, что он вообще осмелился прийти сюда после всего.

– Тогда сам закрой, – кричу я и бросаю ключ на стол.

– Подожди! – слышу в спину, а потом он подбирает свой рюкзак и идёт в мою сторону.

– Вы... Убирайтесь здесь вдвоём? – спрашивает, стискивая челюсть, и я хмурюсь. Какое ему вообще дело?

– Да, вдвоём.

– Он не обижает тебя? Не пристаёт?

У меня от этого вопроса сейчас нервная истерика случится. Просто хочется расхохотаться ему в лицо... Типа как ты тогда в раздевалке?

– Извини, – хмыкаю я. – Меня никто не обижает. И я не думаю, что это вообще твоего ума дело.

– Хорошо, – говорит он, переминаясь с ноги на ногу. – Я... Хотел...

– Саша. Мне всё равно, что ты хотел. Не надо так со мной. Или ты выходишь сейчас отсюда или закрываешь сам, всё просто. Мне от тебя ничего не нужно. Вообще ничего, поэтому можешь быть спокоен.

– А ты злая, Доманская...

– Я злая? – спрашиваю, кивая. – Пусть так. Если считаешь, что имеешь право так говорить – пожалуйста. Хорошего тебе поступления, Саша. Надеюсь, у тебя с Мариной всё будет прекрасно.

– Бля... – он чешет затылок и смотрит куда-то в сторону. Я же оставляю гиблую затею общаться с ним, беру свой пуховик и ухожу оттуда, оставив ему ключи.

Не собираюсь больше это слушать. Я даже видеть его не хочу. Мне больно. И ни на секунду эта боль не прошла, потому что у меня к нему было по-настоящему. Я думала, что у него тоже.

Дома я опять плачу. То в ванной, то перед сном в подушку... Я всё время думаю о том, как бы могло быть, если бы наша любовь оказалась правдой.

Но случилось то, что случилось. Лучше поздно, чем никогда.

Утром прихожу в школу как обычно. Но не успеваю сесть на своё место, как меня перехватывает Филиппов.

– Ты-то мне и нужна, красавица...

– Что? погоди... Филя!

Он заводит меня за угол и смотрит в глаза своими горящими зелёными фонарями.

– Что такое?

– Ленка, сейчас подумай и не отказывайся сразу, ладно?

– Мне это уже не нравится. Говори, – растягиваю губы.

– В общем ты нужна мне... Для отношений...

– Чего?

– Хочу, чтобы ты была моей девушкой, – говорит он, а я чуть ли лёгкие не выплевываю от его заявления.

– Не знаю, что ты куришь или употребляешь, но бросай эту дурь. Тебе вредит.

Я пытаюсь уйти, а он дёргает за руку.

– Я что такой страшный?

– Нет, ты симпатичный...

– Вот, уже лучше, – улыбается он. – Раз симпатичный, значит, будешь моей девушкой.

– Пффф. Думаешь, это так работает?

– Да насрать мне как это работает. Идём, – он тащит меня в класс, а я и пикнуть не успеваю, как меня усаживают рядом. На третьей парте, выгоняя при этом недовольного Конева.

Когда Яр входит в класс, он будто ищет меня глазами впереди, и когда видит, что я сижу с Филей... А тот ещё и по-свойски положил руку мне на плечо... Он и вовсе застывает и сжимает кулаки в проходе. И вместо того, чтобы оттолкнуть. Вместо того, чтобы как-то отмазаться от всей этой ситуации, я совершенно наплеватьски смотрю на него, а после этого улыбаюсь Филе и целую его в щёку. Пофиг мне. Больнее уже не будет. Слишком много всего произошло... Осталась неделя. Пусть хотя бы эти семь дней ему будет также невыносимо больно как мне.

Глава 4.

Доманская Елена (Мелкая)

Весь день до самого конца уроков мы с Филей играем в эту странную игру. Я ведь не дура... Прекрасно осознаю, что он делает. Он провоцирует Яра. Хочет, чтобы тот отстал от Марины. А я... Я просто мщу.

Чувствую, что ему всё это глубоко неприятно и даже застаю их разговор между вторым и третьим, спрятавшись за колонной в фойе.

– Думаешь, я не вижу, хрена ты делаешь?!

– Понятия не имею о чём ты. Вы расстались. Живи дальше, Яровой. Не весь мир вертится вокруг тебя.

– Слышь, Филя, блядь...

– Я вьёбу тебе, отвечаю, если не отойдёшь.

– А я вьёбу, если тронешь её. Хоть пальцем.

– Да пошёл ты на хер, понял?! Она не твоя собственность, так что соси хер, – Филя толкает его и уходит, а у меня сердце опускается в пятки.

Не знаю, как на это реагировать. Необузданная ревность. Собственничество. Чувствую реально что-то такое со стороны Саши. Как только он ощутил, что я могу быть с кем-то конкурентоспособным, сразу засуетился. Только я никогда его не прощу. И не хочу даже думать в ту сторону. Если честно, его поступок дал мне понять о том, какими притворщиками и лгунами бывают люди. Как они искусно манипулируют тобой, если им что-то нужно. Ведь он так мной играл, что я поверила. Влюбилась. Он совсем как мой отец. Такой же эгоист, циник и лгун. И поэтому сейчас на шестом последнем уроке Филиппов заливает мне какую-то хрень в уши, а я слушаю с улыбкой на устах. Словно мне это всё – бальзам на душу... Я такая же лицемерка, как Яровой...

– Поговорить надо, – только выхожу из кабинета, как Саша пытается оттащить меня в сторону. Касаясь моей руки, оставляет болезненные ожоги повсюду.

– Не трогай, блин, меня! Не касайся! – выпаливаю я в истерике, едва ощутив тепло его кожи на своём запястье.

– Вы чё там устроили? Чё это такое? Как называется?!

– Что, прости? – спрашиваю, охреневая от его напускной важности. Он ведёт себя так нагло, что у меня дар речи пропадает.

– Филя?! В жизнь не поверю, что у тебя к нему чувства проснулись.

Ушам своим не верю. Вот ведь он скотина... Пришёл тут со своими претензиями и выделяется, словно я ему что-то должна.

– А меня это должно как-то волновать? Веришь ты или нет? Мне плевать, Яровой, – разворачиваюсь, а он снова отдёргивает меня за плечо.

– Видно, как тебе плевать. Это же просто месть с твоей стороны. Я не слепой. Вот только, нахрен, так себя не уважать? С Филей, серьёзно?!

– Знаешь, что, Саша... – я подхожу чуть ближе и буравлю его взглядом. Если бы могла испепелила бы его к чертям собачьим. – Не уважала я себя, когда связалась с тобой. Это суцная правда, которую я пытаюсь забыть. А Филя в отличии от тебя хотя бы честный парень. Так что пошёл ты на хер. И не подходи ко мне больше, – огрызаюсь я и, выдернув руку, ухожу оттуда в спортзал. Меня всю колотит, а мне ещё нужно доделать некоторые дела по выпускному. Хорошо, что Филиппов ждёт меня там.

– Ну как? Вьёбала ему протест? – ржёт он, сидя на столе и болтая ножками.

– Зачем ты всё это придумал? Такая ерунда... Мы с тобой – самая нелепая пара из всех... – смеюсь я, раскладывая на полу баннер. – Помоги мне расправить.

– Нормальная. Когда ревнуешь, похрен к кому. Лишь бы правдоподобно. И вообще, знаешь... Странно это всё. Что Яр так тебя облизывал, а потом вдруг всё бросил. Это, честно, хрень какая-то.

– Ничего странного. Я отказала в сексе, и он нашёл вариант подступнее.

– Ахаха! – хохочет Филя. – Не гони, Доманская!

Смотрю на него, пожимая плечами. В чём это я интересно гоню?

– Ты чё, реально?

– Ну да.

– Я думал вы во всю трахаетесь... Теперь понятно, чё его так бомбит по тебе...

Никак не комментирую эти слова и работаю дальше.

– А мне бы дала, Доманская? – спрашивает он, подкрадываясь сбоку и играя бровями.

– Конечно, – кривлю я губы в усмешке. – Тебе, Филя, хоть сейчас...

– Вот этим ты мне и нравишься, Мелкая, – Филиппов обхватывает за плечи и треплет волосы, а я возмущаюсь, отпихивая его от себя.

– Дурак!

Около семи мы всё доделываем. Он очень помогает, я реально довольна результатом.

– Останется забрать гелиевые шары и цветы. А в целом всё!

– Ну, прикольно получилось... У тебя талант, – говорит он, подмигнув мне.

– Ага, спасибо. Поможешь мне в четверг оформить местечко для фотографий?

– Помогу, скажешь во сколько... Уроков же уже не будет. Завтра последний день...

– Ага... Хорошего тебе, кстати, поступления.

– И тебе, Доманская...

Дома ещё раз примеряю платье. Красивое. Я выбрала чёрное. Не знаю, почему. Мне не хотелось яркости, хотелось практичности и простоты. И выбор получился именно таким. Сделаю высокую причёску и будет очень эффектно. Никогда так себя не рассматривала, но вот даже удивляюсь своей фигуре. Оказывается, в нужном платье и я могу выглядеть роскошно.

Стараюсь не думать о последнем разговоре с Сашей. Не знаю уж, что его задело больше. То, что я якобы с Филей или то, что в целом не желаю с ним общаться. Завтра приду в школу, а до среды можно будет сидеть дома. Там сделаю последние штрихи и наконец... Четверг... Выпускной...

Очень надеюсь, что всё пройдёт хорошо.

– Лен... – мама стучится в дверь.

– Да, мам, входи... Что такое?

– Я тут... Хотела поговорить с тобой, дочка... – она присаживается и смотрит на меня с тревогой. – Как ты? Я понимаю, что ты взрослая и не стоит лезть с расспросами, но... Это ведь Саша отправлял тот подарок, так? Что ему от тебя нужно?

– Ничего, мам. Я всё обозначила. Мы с ним больше не будем общаться. Правда. Всё кончено.

– Ты, главное, не переживай, маленькая. Ещё много мужчин будет. И хороших, и плохих... Выбирать будешь, – смеётся мама, поправляя мои волосы, а я киваю. Не хочу говорить, что мне в целом хватило мужчин. Мало ли как жизнь повернётся. Но сейчас на данном этапе я не хочу его знать... Не хочу думать о нём. И хоть как-то усложнять себе жизнь.

Конечно ночью всё снова приобретает другие оттенки. Он постоянно мне снится. И я ненавижу себя за это. Порой выбрасываю подушку на пол и сползаю туда, будто дело в кровати. Но нет... Но нет... И даже не в комнате. Дело в моей опьяненной им голове.

Утром снова иду в школу и хочу сказать Филиппову, что стоит прекратить весь этот цирк. Всё зашло слишком далеко. Последний день учёбы. Нам нужно думать об экзаменах, а не о ревности с любовью. Кому от этого станет легче?

Сажусь обратно на первую парту и, пока учителя нет, откуда не возьмись ко мне вдруг подсаживается Яровой собственной персоной. Плюхается рядом, будто ему тут мёдом намазано.

– Да что тебе нужно... – выдыхаю я устало, повернув к нему свою голову. – Не надоело?

– Подумал, ты хочешь её вернуть. Всё же это память о твоём отце, – он протягивает мне ту самую машину-брелок, а у меня внутри разрастается облако боли. От воспоминаний и сожалений...

– Всё в порядке. О нём у меня точно такие же воспоминания, как о тебе. Поэтому можешь выбросить, – отвечаю и тут же отворачиваюсь обратно к доске, записывая в свой блокнот то, что мне осталось сделать.

– Лена... – он хмурится. Смотрит на меня, я это чувствую. Только у меня внутри всё перегорело. Это не любовь, это адские муки. Он узлы крутит, а я извиваюсь от этой боли и душа моя воет, чтобы наконец остановился.

– Отвали от моей девушки, Яр. Пиздуй к своей, – появляется перед нами Филиппов, и я поднимаю на него взгляд. Саша, кажется, сейчас сорвётся. Но Влад никогда не боялся его провоцировать. Они всегда дрались, сколько их помню.

Чувствуя масштаб нарастающей катастрофы, встречаю в конфликт раньше.

– Уймись оба. Саша, уходи, – настаиваю я, глядя в его покрасневшие своими.

У него такое выражение лица, что я не понимаю. Совсем не понимаю, что происходит.

Но он слушается и уходит, а Филя плюхается рядом со мной, поцеловав в макушку. Я даже вздрагиваю от этого жеста.

– Ты меня в гроб загонишь, – бурчу я себе под нос, а он улыбается.

– Не ссы, Мелкая... Ты мне ещё спасибо скажешь. Вы оба...

Глава 5.

Доманская Елена (Мелкая)

– Ну что, мои дорогие, – улыбается Вера Степановна, глядя на нас. – Я вас поздравляю, вы ступаете на новый этап своей жизни. Большинство из вас уже совершеннолетние. Надеюсь, все выбрали ВУЗ для поступления и прекрасно проведете последнее школьное лето, дорогие. Я вас всех запомню... Всех-всех...

Класс смеётся, а Филя, кажется, гогочет громче всех.

– Особенно меня, да, Вера Степановна?

– Ой, ты, Филиппов, душа моя... Навсегда в моём сердце, дорогой.

У Влада аж щёки краснеют от радости. И он всё ещё обнимает меня за плечо, прижимая к себе. Представляю, как сейчас на это смотрит Саша. А я это буквально затылком чувствую.

– Давайте немного поговорим не об учебе. Оценки выставлены... Выпускной скоро. Кстати, Леночка и Влад подготовили для вас зал. Осталось совсем немного, но выглядит уже шикарно. Поблагодарим...

Едва она произносит это, а нам уже хлопают.

Однако из-за стычки с Яровым я даже удовольствия не чувствую. Все мысли только о нём и о разговоре с ним. Бесит.

– Завтра будем оформлять твоё место для фотографий? – шепчет Филя мне на ухо, а я смотрю ему в глаза.

– Ты специально так делаешь?

– Да, – хитро подмигивает он.

– Послезавтра давай.

– Хорошо... Ты же пойдёшь со мной на выпускной?

– О, боже... Филиппов... – качаю я головой, а он смеётся. Вот неугомонный дурак... Его бы рвение да в мирное русло, цены б ему не было...

– Что, Доманская?

– Ни-че-го... Пойду...

Он довольно улыбается, а после уроков берётся проводить меня до дома, потому что Яровой, словно сторожевой пёс, тащится за нами.

– Ты вообще понимаешь, что он бесится, что тебя распечатаю я, а не он?

– Филиппов, – вздыхаю я. – Принтер нашёлся.

– Не, реально, Доманская. Смотри, как его припёрло... Поцелуешь меня? – спрашивает возле подъезда.

– В щёку. Ладно.

Встаю на носочки и быстро чмокаю его, отступая.

– Пока! – Бросаю на прощание и убегая в подъезд. Надеюсь, они не подерутся. Возле окна замечаю, что Яр снова к нему подходит. Они разговаривают на повышенных. Филя ржёт, Саша хватается его за грудки. Снова какая-то словесная перепалка. Потом Саша его отпихивает и... О, Господи! Идёт в мой подъезд.

Я быстрее пули убегая в квартиру и закрываюсь в своей комнате.

И снова звонок в дверь. Долбёжка. Хорошо, что кроме меня здесь никого нет.

Когда Яровой не унимается около десяти минут, я всё же подхожу ко входной двери.

– Саша, уходи, – настаиваю я, но он продолжает.

– Лена, открой мне... Мы просто поговорим.

– Мне не о чем с тобой разговаривать. Уходи!

– Лен... Просто послушай... Прошу тебя...

Слышу голос Кристины.

– Привет, мелочь...

– Уходи, сказали же.

– И ты меня ненавидишь, – бубнит он себе под нос.

– Да, ненавижу! Всей душой ненавижу! Вы все парни одинаковые, вы не умеете любить! Ты хоть знаешь, как она плакала всё это время?! Знаешь, как ей было больно!

Не хочу, чтобы она ещё что-то ему сказала и открываю дверь. Нахмурившись, хватаю сестру, и затаскиваю её внутрь, снова захлопнув квартиру.

– Не надо было, Кристина...

– Пусть слушает! Надо же, пришёл. То же мне... Лукас недоделанный.

– А?

– Ну, знаешь... В Клоне было так же. Жади всё время страдала, а этот Лукас шлялся по всему свету, строил из себя незнамо кого...

– Ой, Кристина, – выдыхаю я, приобняв её... – Какая же ты у меня глупышка...

Сестрёнка чуть ли не рыдает, а я чувствую, что только благодаря ей и держусь. Её суждениям и в целом, чтобы быть для неё сильнее...

– Давай беги, мой руки. Поужинаем и будем убираться...

– Хорошо, – недовольно бурчит она и идёт в ванную.

Я же... Осторожно подхожу к окну и смотрю вниз. Вижу, как он уходит... Смотрю на его спину и вспоминаю абсолютно всё. И плохое, но и хорошее. И объятия, и тепло его тела, и взгляды. Могла ли я подумать тогда, что это фальшивка? Нет, не могла, поэтому и позволяла ему так много в отношении своего тела, а теперь думаю, что зря. Физическая близость не стоила и половины той душевной боли и грязи, которую я сейчас ощущаю. Ношу в себе тяжким грузом и стараюсь сбросить как балласт, но ни черта не получается... Придётся с этим жить.

– Спасибо, что пришёл... – смотрю на Филю и достаю разного рода цветы, блестяшки, шары. – И нужно закрепить вот этот фон...

– Давай... Чё как оно, Доманская? Пришёл к тебе чёрт позавчера? – смеётся он, пока я нарезаю скотч.

– Что ты ему сказал?

– Что хочу потрогать тебя, – ржёт он, а я мотаю головой.

– Вы все думаете только об одном, да?

– Ну, знаешь... Возраст такой. Хочется секса и вообще... Девушку. Особенно, если нравится.

– А Марина давно тебе нравится?

– Давно. Но чисто внешне, знаешь. Я же знаю, какая она сука. Просто вставляет. А так... Если бы дело было в характере. Будь я постарше, я бы выбрал тебя.

– Сделаю вид, что мне это послышалось, – отвечаю я, и он начинает гоготать и присвистывать.

Нам удаётся доделать всё за два часа. И выходит очень красиво. Ну а потом... Я сама не понимаю, что происходит...

Сначала я слышу шаги и собираюсь обернуться, а уже через пару секунд Филиппов обхватывает меня за затылок и начинает целовать. Полноценно. Толкать язык в мой рот.

Я просто растерянно вишу в его руках, и начинаю чувствовать своё тело только через несколько секунд экзекуции.

– Ты что творишь?! – отпихиваю я его в ужасе.

– Сорян, Доманская, не удержался...

– Совсем уже?!

– Так надо, – улыбается он, а я вытираю рот.

– Фу!

– Сама ты фу! Ништяк было!

– Знаешь, что, Филя? Мне было проще, когда ты сидел сзади меня, и мы никогда не встречались взглядами. Уходи давай!

– Ну и пожалуйста. До свидания, – он отмахивается и уходит, а я ещё раз осматриваю зал. Получилось очень красиво. Со спокойной душой я выключаю там свет и закрываю двери, направившись домой...

Глава 6.

Доманская Елена (Мелкая)

Ранним утром я просыпаюсь от того, что кто-то громко и настойчиво долбит в нашу дверь. Открываю её с сонными глазами и вижу перед собой взволнованную Веру Степановну и двух милиционеров в форме.

– Здравствуйте... – я стою в недоумении и сзади подлетает Кристина. Мамы уже нет, она на работе.

– Леночка, ты только не волнуйся. Милиционер только уточнит детали, когда ты вчера уходила из школы. Во сколько и был ли там ещё кто-то...

– А что случилось???

– Хулиганство... Половину спортзала разнесли... – ужасается она, а я сглатываю.

– Вы не могли бы выйти на площадку? Дать пояснения...

– Да-да, конечно... – накидывая на себя кофту, я прикрываю за собой дверь в квартиру и выхожу к ним. – Мы с Филипповым... Владом... Закрыли дверь в районе шести часов, отдали ключ на вахту. И всё. Я больше никого там не видела.

– Совсем никого, Лена? Может компанию какую возле школы? Там такой караул...

Боже... Это ведь не Саша, да? Он с ума сошёл?

– Нет, больше никого, – уверенно отвечаю я. – А что же теперь с выпускным будет?

– С выпускным теперь, Леночка, беда... Повезём вас в соседнюю школу. У них с залом всё в порядке... Но народу будет... Тьма.

– Какой всё-таки кошмар, – хмурюсь я, глядя на Веру Степановну. – Мы ведь так старались... Но Вы только не нервничайте...

– Так, – мужчина в форме трёт у виска ручкой. – А этот Филиппов точно после Вас туда не возвращался?

– А... Откуда я могу это знать? Ну, он не говорил мне об этом... А возвращался или нет, не знаю...

– Ладно, хорошо, пойдём, Нестеренко, – зовёт он напарника, и они спускаются, обращаясь к Вере Степановне. – Ждём Вас внизу.

– Что же Вы теперь ещё долго будете ездить с ними? – спрашиваю шёпотом.

– В любом случае торжественное вручение аттестатов в 15:00, а оттуда ехать... Ой, батюшки... Кто же натворил делов...

– А там сильно плохо всё?

– Там пол стен граффити разрисованы, всё сорвано, стёкла разбиты... Да вдобавок цитируют Лермонтова!

– Что?

– Да... Женщины любят только тех, которых не знают. Ещё и книги читают, надо же! – возмущается она. – Паразиты!

Не может быть... Он совсем слетел с катушек... Сумасшедший... Он специально это сделал? Чтобы задеть? Сорвать выпускной? Выставить меня душой? Вот ведь козёл...

От злости и ненависти варюсь в котле из эмоций. Хочется ему высказать. Хочется сделать что-то такое... Нет... Не надо. Оно того не стоит. Он не стоит.

Пошёл он к чёрту!

Я прощаюсь с Верой Степановной. Крашусь, делаю причёску, надеваю платье. Выгляжу симпатично. Но не это главное. Тяжёлыми шагами я следую к дому Яра. Не знаю, какая муха меня укусила. Что я хочу сделать? Я могу вообще его не застать...

Но вот... Проходя мимо его замечательной соседки Шаховой, вижу виновников торжества, стоящих на крыльце её дома и красующихся для фотографий с родителями. Она обнимает его за плечи, целует в щёку, приподнимает правую ногу. Всё, как настоящая фотомодель.

А я... Киплю от злости и ревности. Ненавижу! И его, и эту чёртову пигалицу с боевым раскрасом, как у буфетчицы!

Ааааа!!!! Пока смотрю на них, у меня внутри что-то разрастается. И мне это совсем не нравятся. А потом, видимо, её отец что-то говорит Саше и хлопает его по плечу.

Не в силах наблюдать за этим тошнотворным взаимодействием, тороплюсь в школу. Естественно, на автобусе. Мне вообще пофиг как добираться.

Тогда как Шахову и её спутника, похоже, привозит её отец. Наверное, потому что Яр хочет распивать спиртное, как и всегда. Неудивительно.

В последнее время у него сплошные тусы и протесты.

На вручении аттестатов сижу с Филей и обсуждаю то, что произошло.

– Да это он, сто процентов.

– Ужасно...

– Я не хотел говорить и не скажу, но... Он вчера был там, когда я...

– Что?

– Нуууу, когда я тебя засосал, Доманская. Яр стоял на выходе. Всё видел.

– О, ужас!

– Да ладно тебе... Теперь он показушно лапает Шахову и поглядывает на нас. Щас лопнет от злости. Ползала разнёс, дебил.

– Ты ведь не сдашь его, нет???

– Переживаешь за него, – хохочет он.

– Нет... Но...

– Ой, Доманская... У тебя всё на лице написано...

– Ничего у меня не написано! Но это уголовно-наказуемо, а у него планы... Он тоже человек...

Блин, что я только несу. Кажется, уже все щёки покраснели, а Филя обнимает и смеётся.

– За это ты мне и нравишься. Добрая ты, Ленка. Не заслуживает он тебя. На будущее говорю.

– Я вовсе не добрая, Влад... Но и не стукачка.

– Так я тоже. Обещаю, что буду молчать...

Филиппов закрывает рот жестом, как бы на невидимый замок, а я бросаю свой взгляд на Яра. Он приобнимает Шахову и жжёт меня своими дикими глазами. Я тут же отворачиваюсь. Не собираюсь играть в гляделки.

Около семи, когда все аттестаты вручены, нас рассаживают по автобусам. Пришлось экстренно договариваться, чтобы нас перевезли до соседней школы. Которая, кстати, находится даже ближе к дому Ярового...

Не собираюсь танцевать, поэтому почти сразу забиваюсь в угол. Однако Филя находит меня даже там.

– Идём, красотка, чего сидеть-то? Пиздец ты секси в этом платье. Я даже подумал, пластику сисек сделала, – ржёт он, на что я кривлю губы.

– Ты можешь отстать от меня? Иди поиздевайся над своей Мариной...

– Они... Вот прям щас на нас смотрят... Давай... Закинь мне руки на плечи, милая.

Делаю, как он сказал, но в груди всё жжёт. Когда во время танца разворачиваюсь, вижу, как Марина жмётся к нему, и как он обнимает...

И всё бы ничего, но именно тогда, когда мой взгляд сплетается с его, он начинает толкать язык в её рот. Безобразно. Мерзко. Животно. Запуская руку в её волосы. Делает это с особым энтузиазмом, будто норовит её сожрать...

А я...

Не нахожу ничего более умного, как психануть и убежать оттуда, потому что в груди жжёт до какого-то дикого безумия... Так, что хочется причинить ему нестерпимую боль в ответ. Хочется уничтожить эту Марину...

Но... Я решаюсь сделать кое-что не менее ужасное... И тащусь в школьный гараж с тем самым автобусом, чтобы стащить оттуда канистру бензина...

Глава 7.

Доманская Елена (Мелкая)

Руки трясутся от липкого страха, но то, что внутри меня разрывает на тысячи частей сильнее его. Это обида, это ревность, это неконтролируемая злоба. Невозможно это просто в себе задавить. Оно уже вылезло на поверхность. И руководит мною как марионеткой.

Его новая машина стоит прямо перед их домом. На часах уже почти девять вечера. На улице начинает темнеть. Я впервые делаю что-то такое и, мне кажется, подо мной расходуется земля. Откуда во мне столько плохого??? Это ведь не я... Я такой не была до связи с ним! Это просто какая-то плохая версия... Злая копия...

Пока думаю об этом... Бензин уже льётся на ярко-синюю крышу авто, растекается по стеклу и везде вокруг. Я чиркаю спичкой и...

В моих глазах разгорается пламя. Горит так, что у меня сердце в груди плавится. Дикое необузданное чувство. Оно заполняет всю мою грудную клетку. От и до...

Вдох-выдох. Едкий дым...

Я убегая оттуда в истерике. И думаю... Господи, что я наделала??? Зачем? Он же так ждал эту машину. Хотел её...

Но поступил со мной как последняя сволочь! Как конченный гад! Нет, не надо сожалеть!

Лишь бы только никто меня не увидел. Лишь бы так глупо не сесть из-за этого в тюрьму.

Добираясь обратно на торжество, осматриваюсь. Чувствую себя испуганным зайцем. В толпе незнакомых людей вздрагиваю от каждого случайного прикосновения. И внезапно меня под руку хватает Филя.

– Вот ты где... Потерял тебя. Всё нормально? Убежала... Этот за тобой помчался...

– А? Он... Помчался за мной?!

– Ну да... Выбежал следом.

О, Господи... Он же не... Не видел, да? Боже мой!

– И не возвращался?

– Нет, я его не видел...

Кажется, я сейчас точно упаду в обморок... Просто сойду с ума от страха. Ладони потеют, дыхание спирает, а грудная клетка никак не расправляется. Сплошные мучения.

Я топчусь на месте, высматривая Ярового, и вот он наконец вбегает в помещение. Вид у него не просто озлобленный, а убийственный. И он идёт на меня. Боже, тараном идёт. Я за секунды осознаю, что он совершенно точно всё видел. И мне конец. Я тут же вцепляюсь в руку Фили.

– Что такое? А... – застывает он перед Сашей, заслоняя меня.

– Можно забрать твою спутницу на танец? – сквозь зубы спрашивает Яр, а я трясусь. И даже не знаю, чего боюсь больше... Его гнева или просто ненависти? Он ведь никогда не тронет меня физически, верно? Я его знаю... Или же нет?

– Пойдёшь с ним? – спрашивает меня Филиппов, и я мотаю головой в знак отрицания.
– Она не хочет с тобой танцевать, друг.

– Я тебе не друг, нахрен. И мне пофиг, хочет она или не хочет, – заявляет он, закатывая рукава белой рубашки.

– Ну, значит, придётся со мной драться, Яр, – самонадеянно заявляет Филя.

– Да без проблем, – отвечает Сашка, и я уже чувствую, что сейчас начнётся кошмар, поэтому влезаю в их диалог.

– Прекратите. Не надо. Ладно... Я потанцую с тобой. Один единственный раз! – смотрю на Сашу, а у него ноздри раздуваются от гнева. Как только подхожу ближе, наглые руки при-

тягивают так плотно, что и дышать тяжело. Я немного задеваю лицом его шею и да... От него пахнет дымом... Чёрт его дери...

Грудь тяжело вздымается под давлением его литой грудной клетки. Кажется, что он меня сейчас раздавит. Просто сломает пополам и не заметит. Но эта его грубость не от злости... Она от чего-то другого. Я это чувствую. Я его знаю.

– Наигралась? – спрашивает надломленным голосом. – Надеюсь, понравилось?

– Не понимаю, о чём ты.

– Не понимаешь? Не понимаешь?! – с нервными нотками спрашивает он, улыбаясь. – Смотри в глаза.

– Не собираюсь... – бубню я, ощущая, как его цепкие пальцы хватают меня за подбородок и заставляют взглянуть прямо в тёмную бездну общего отчаяния. Сердце ведёт себя как ненормальное. Стучит так, что не продохнуть. Вокруг звучит громкая музыка, одноклассники веселятся, а мы с ним... Мы сжигаем все мосты, когда касаемся друг друга.

Но я не хочу с ним быть... Не после того, что он сделал. И обнимать его сродни пытки. Будто тысячью плетей по сердцу бьёт его отношение. Это не то, чего он хочет, я знаю. Будто пытается хотя бы как-то выйти на контакт... И всё равно ему как именно.

– Зачем сожгла мою машину? – спрашивает он, и я понимаю, что лгать уже бессмысленно. Он там был. И всё видел. Но и объясняться я с ним не собираюсь.

– Зачем разгромил спортзал?

– Будто ты ответа не знаешь, Доманская.

– Будто ты его не знаешь, Яровой, – бросаю в ответ, держа его за плечи. Больно. Невыносимо близко. Жестоко. – Сейчас музыка прекратится, и я уйду. Это первый и единственный раз, Саша.

– Ты хоть соображаешь, что со мной делаешь? – спрашивает он, ещё сильнее меня поджигая. Горячие широкие ладони держат меня за голую спину в районе лопаток. А сам он... Зарывается носом в мои волосы, вызывая паралич конечностей.

Чего... Чего он добивается, чёрт его дери?! Мало мне боли? Мало душу били, будто это хрустальная безделушка?

– Прекрати... Перестань! – кое-как нахожу в себе стержень и толкаю его в грудную клетку. Сама вся нахожусь на грани. По коже ходит игла. Болит. Нестерпимо болит. Царапает. Сейчас проткнёт сердце.

Он не отпускает меня. Горячий, сильный, вспыльчивый. Держит реально как в последний раз.

Его сердце в груди так же носится, и я вижу вдалеке Марину, которая смотрит на меня так, будто сейчас накинется. Она ведь действительно меня ненавидит. А я ненавижу её.

– Тебе пора, Саша. Там Марина ждёт, – говорю я, но он не слушает. Музыка кончается, а Яровой так и стоит, прилипший ко мне, даже когда начинается что-то более динамичное. Он так сильно прижимает, что я теряю равновесие на каблуках и полностью висну на нём. – Саша.

– Лен, не уходи от меня... Ещё минуту... Просто ещё одну минуту, – его голос звучит так, словно ему подрезали голосовые связки. Хрипло, тихо и очень болезненно. Он трясётся, и я вместе с ним. Ни черта не понимаю. Но внутри всё так ноет. Кромсает. Словно на мелкие кусочки. Острейшим лезвием ножа.

– Ты... Лучшее, что у меня было. Что было со мной... – шепчет он на ухо, отчего по всему моему телу мелкой рябью проходит дрожь. Внутренности закручивает в клубок, а на шее появляется смертоносная удушающая петля. – Мне плевать, что ты сделала с машиной. Я и сам себя ненавижу. Лена, прости меня... Прости.

Не знаю, как реагировать на эти слова. Вообще на всё сказанное им. Зачем мы это друг с другом делаем? Что это за... Отношения такие? Что с нами происходит? Мы больны...

Но когда его руки чуть ослабевают, я всё же нахожу в себе силы оттолкнуть его от себя, хоть в груди и полыхает пожар. Смотрю на него и жить не хочется. Ничего мне не хочется... И знать любовь тоже.

– Всего тебе самого хорошего, Саша. И прощай, – кидаю напоследок и ухожу оттуда. Ухожу с выпускного вообще, потому что больше не хочу чувствовать это внутри себя... С меня достаточно...

Глава 8.

Александр Яровой (Яр)

Три месяца назад...

– Шолох, чё дверь-то нараспашку? Ау! – захожу внутрь их квартиры и застываю, увидев в проходе чьи-то ноги. – Дядя, Влад?! Блин... Владислав Борисович!

Бросаюсь к нему, пытаюсь привести в себя, но он уже чуть ли не посинел. Руки трясутся и приходящая становится всё меньше, будто стены давят на моё сознание.

Я тут же хватаю трубку и вызываю скорую. Хорошо, что у них есть телефон, иначе пришлось бы бежать к соседям. Медики приезжают достаточно быстро, а затем я помогаю погрузить его в машину.

У меня внутри всё подвергается панике. Если он умрёт... Если Шолох потеряет ещё и отца... Я даже думать об этом боюсь. Он и так дерьма хапнул. Рано потерял мать. Так ещё и это...

Приезжая в больницу, хожу по коридору, как заведенный, и не могу найти себе места. Чувство какой-то беспомощности окутывает пространство.

– Ты – сын, дружок? – выходит ко мне врач, и я мотаю головой.

– Нет, сына пока нет, но я записку оставил. Должен скоро приехать...

– Понятно. В общем, дело такое. Нужна операция на сердце. Ишемия у него. Одышка была в последнее время?

– Насколько знаю, да... Была.

– Как приедет его сын, дай знать... Это же Шолохов, так? Тренер?

– Да... Это он.

– Понятно. Жаль его конечно, – с сожалением выдавливают врач, словно Владислава Борисовича уже похоронили. У меня от этих слов мороз по коже.

– Не говорите так, он же поправится, – хмурюсь я, но мужик просто уходит, а я остаюсь ждать Илью.

Весь в собственных мыслях и сожалениях. Трясёт так, что расслабиться не могу. Как струна натянут. Страшно.

Около шести Илья наконец прибегает. Весь растрёпанный взбаламученный. Видимо, увидел записку и нёсся сюда в истерике.

– Яр, какого чёрта? Что случилось???

– Тихо, успокойся. Идём к врачу. У твоего отца что-то с сердцем. Оперировать будут. Тебя ждали.

Блин, Илья весь бледный, как смерть. Я не представляю, что он сейчас испытывает. Но по лицу вижу, что там и страх, и отчаяние. Он ведь для него буквально всё в этом мире. Отца лучше и не найти. Я не знаю, как помочь ему, сам-то с трудом держу себя в руках.

Пока стоим с ним и ждём, врач наконец вызывает его, а я остаюсь в коридоре. Сильно переживаю за него. Я вообще мало за кого так волновался, а сейчас не понимаю, почему жизнь так несправедлива? Дядя Влад – такой потрясающий мировой мужик. Да и Илюха не заслуживает всех этих мучений. В ожидании его ещё раз убеждаюсь, что хорошие люди страдают сильнее всех.

Он выходит ко мне весь вымученный и хочет даже пройти мимо, словно не замечает.

– Ты чего? Эй?

– Там очередь, Яр... Она гигантская... Мне сказали в лучшем случае месяц. А отец... Он совсем плохой, – Илья опускает голову, а я прижимаю его к себе. Меня колотит. Я не знаю, что делать... Точнее, я только думаю об этом...

– Пойдём... Пойдём, присядешь. Давай, Илюх. Всё будет нормально.

В голове вертится мысль о том, что если скажу ему вариант, он начнёт противиться. Потом будет нервничать, нужно самому как-то порешать. Тихо. Чтобы он не был в курсе.

Поэтому, как только Илью запускают к отцу в палату, я тут же на всех скоростях мчу к своему и надеюсь, что этот разговор не закончится сплошным разочарованием... Хотя... Как я могу вообще на что-то надеяться, когда речь идёт о моем отце?

В последнюю нашу встречу он болтал ключами от машины возле моего лица, как костью перед оголодавшей собакой. Показательное отношение к своему ребёнку. Мне хватило, но сейчас я засовываю гордость куда подальше. Сейчас у меня просто нет никаких других вариантов. Я не знаю, к кому ещё обратиться.

– Вернулся, – заявляет он надменным тоном, увидев меня на пороге своего кабинета. – И чем могу помочь? Как никак что-то понадобилось...

Смотрю на него и стискиваю челюсть. Ненавижу.

– У Ильи... У отца сердечный приступ... Очередь на операцию около месяца... Надо помочь...

– Кому надо? – спрашивает он.

– Мне надо, отец.

– То есть, когда тебе надо, я должен всё бросить? А когда прошу я... Так пошёл ты, папа, в жопу, верно?

– Не так, отец... Это вообще не сравнимо.

– Ладно, Александр. Слушай. Всё просто. Возможно тебе покажется это нотациями. Но я дам тебе один совет на будущее. Никогда не кусай руку, которая тебя кормит. Это самый лучший совет. Самый полезный. Ты допустил ошибку, когда попёр против меня. Это в первый и последний раз. Эти свои детские заморочки выброси из головы. Вот мои условия. Мать переживает. Ты вернёшься домой, сегодня же. Успокоишь эту Марину. Бросишь свою эту нищенку. Мне сейчас как никогда нужна поддержка в недвижке. А Гоша лучший в этом вопросе. И я оплачу операцию. Её хоть завтра сделают, если хочешь. Только ты мне слово дай, что всё сделаешь, как надо. Слово мужика дай.

Что ты за человек, батя... Есть ли в тебе хоть что-то святое или там всё от лукавого?

Никогда не думал, что буду так рассуждать... Но это по-свински. А ты не оставляешь мне сраного выбора.

– Даю тебе слово. Он лежит в Московской областной. Ты позвонишь?

– Позвоню.

– Ты только... Бать, скажи, что бесплатно. Потому что типа тренер. Придумай че-нибудь такое... Чтобы Илюхе не говорили...

– Ещё один гордый индюк, – закатывает отец глаза. – Скажу. А ты давай бегом к этой истеричке. Успокаивай её. Она каждый день к матери ходит и ноет. На меня Гоша уже косится, когда случайно видимся во дворе. Понял меня, сын?

– Понял...

Я выхожу оттуда и у меня грудь щемит от отчаяния.

Лена... Что я ей скажу? Как я без неё буду?

Но и Илюху подвести я не могу. Я не могу так с человеком, который заменил мне брата. И с его отцом, который для меня словно родной.

Уже поздним вечером я иду к Шаховой. Стучу им в дверь и ненавижу себя. Думаю о том, как я буду объясняться с Леной. Она ведь не поймёт никогда. Я не могу рассказать ей обо всём этом. И если я предстану перед ней таким белоснежным, она явно будет страдать сильнее, чем если я накосячу... Чем если причиню ей боль... Скажу, что всё было ложью.

Чтобы она жила дальше... Чтобы нашла кого-то... Что я только несу...

Дверь открывается и на пороге стоит взволнованная Маринка, рассеивая все мои мысли в воздухе.

– Сашенька, – она бросается мне на плечи, а я так и стою, понуро опустив свою голову, пока она прижимает меня к себе и шмыгает носом...

Я топлю самого себя и задыхаюсь, опускаясь на самое дно...

Глава 9.

Доманская Елена (Мелкая)

Идти по ночной улице кажется мне так себе идеей, потому как страшновато и на каблуках дорога кажется бесконечной. Я постоянно оборачиваюсь и прислушиваюсь. Меня пугает, что людей вокруг так мало. Неужели все на выпускных или уже спят? Так странно.

Слышу вдалеке звуки пожарной машины и по телу проходит неприятная дрожь. Не автомобиль ли моего Ярового они тушили? Возможно...

«Мне плевать, что ты сделала с машиной. Я и сам себя ненавижу. Лена, прости меня... Прости».

Не ожидала от него этих слов. Да и в целом подобной реакции не ожидала. Я думала, ему реально на меня плевать... Особенно после того, что между нами произошло. Но от него веяло каким-то отчаянием, и я до сих пор не понимаю, что это такое было...

– Эй, красивая, – слышу свист со стороны и вздрагиваю. – Кыс-кыс-кыс, сюда иди.

Ускоряю шаг и понимаю, что какие-то двое пьяных парней следуют прямо за мной.

– Я иду домой. Не трогайте меня.

– Да мы даже не начинали. Давай познакомимся, выпьем, – ухмыляется один из них, а я не успеваю убежать, потому что на каблуках. Наверное, придётся снять их и улепётывать босиком, если они конечно не нагонят меня раньше. – Стоять. – пальцы одного смыкаются на моём локте, и у меня начинается жуткая паника. – А ты ничё такая. Смотри, Серый.

Едва он успевает произнести это, как практически тут же падает от удара. За его фигурой вырастает более крупная. Фигура Ярового. У меня сердце готово вырваться из груди. Я наблюдаю за тем как он мутузит этих двоих и трясусь от страха, что с ним может что-то случиться. Правда они пьяные, а он, судя по всему, намного их сильнее и крупнее, поэтому через три минуты они лежат перед моими ногами, уложенные штабелями.

– Они обычно такие смелые только с девочками, так что...

– Зачем? – спрашиваю, нахмурившись. Голос дрожит. Всю колотит, а Яр снимает с себя пиджак и накрывает мои плечи.

– Пойдём. До дома провожу.

– Саша, я не понимаю. Что ты творишь? Когда это закончится? Ты ведь сам... Всё это... У тебя кровь? – я хватаю его руку и вижу, что он испачкал манжеты белой рубашки. Все костяшки сбил. – Надо бы обработать...

– Переживаешь за меня?

– Как за одноклассника. За друга... Не знаю, – опускаю я взгляд, и мне не нравится оправдываться.

– Одноклассник... Друг... Понятно, – отвечает он, вздохнув. – Пойдём, Лена... Не будем тут торчать...

– Ладно, идём, – он идёт за мной следом. А я даже не знаю, что сказать. Как себя вести. Что говорить. Мало мне трёх месяцев боли, он меня ещё и добить решил на прощание.

– Что скажешь родителям насчёт машины?

– Не всё ли равно? – уточняет он, глядя на звезды. – Вообще не важно...

Раз не важно, буду молчать...

– Тебе понравилось? Целоваться с ним? – спрашивает он, а мне стыдно перед ним. С какой стати, понять не могу? Почему я должна оправдываться?

– Не знаю, – отвечаю, остановившись и обернувшись. – Да и какая теперь уже разница? Школа закончилась. Ты с Мариной. Я вас сердечно поздравляю.

– Доманская моя, Доманская... Если бы ты только знала...

– А ты объясни. Потому что лично я сейчас тебя не понимаю. И тогда, Саша, я тоже тебя не поняла. Ты мог как-то иначе мне сказать. Мы бы расстались не так унижительно. Не так болезненно.

– Думаешь, моей целью было расстаться не так болезненно? Наоборот, Лен. Всё наоборот... Но ты права, уже поздно что-то там говорить. Я виноват и ни одни слова в мире этого не исправят...

– Ты... Делаешь больно, Саша, даже когда извиняешься...

– Вот такой я хреновый человек, – пожимает он плечами, осунувшись. – Но я буду по тебе скучать...

Смотрю на него и сердце воет волком. До моего подъезда рукой подать. И вместе с тем невозможно сделать ещё шаг.

Его слова проникают под кожу и воспаляют там каждое нервное окончание. Я не знаю, как справиться с тем, что внутри. Чёрные глаза сканируют меня, пока я борюсь с двумя противоположными ощущениями. Мне страшно дать себе поблажки и оказаться перед ним слабой. Уязвимой. Хотя я и вижу, что о чём-то он не договаривает... Что-то внутри... Заперто от меня. И я словно безмолвно вымаливаю его поделиться.

– Я тоже буду скучать, – вырывается из меня, и Сашка делает ещё один огромный шаг навстречу, врезаясь в меня губами. Земля сразу же сходит с орбиты. Я словно теряю связь с реальностью. И поверхность под ногами тоже теряю. Не могу устоять на месте. Они будто и не мои вовсе. Но Саша держит меня сам. И пока я висну у него на руках, он целует так, что я забываю о нашем расставании. Я словно вновь возвращаюсь в те счастливые дни, когда мы с ним были друг для друга всем.

Его руки на моей шее. На моих лопатках, на моей спине. А я не могу насытиться вкусом его языка и грубостью щетины. Он берёт. Он напивается. Он изводит. Я не понимаю, почему снова млею от его касаний, если он так ужасно со мной поступил... Что же это за болезненная ядовитая связь между нами?

– Саша, тебе пора. У тебя Марина, она тебя ждёт. Этого вообще не должно было случиться, – выпаливаю я, взяв его за плечи и отторгая от себя.

– Плевать мне на эту Марину, Лена. Мне на всех плевать... – Сашка не отпускает. Держит так крепко, что я не могу отойти. – Кроме тебя...

– Прекрати. Тебе пора.

– Мелкая моя... Ты мне каждую ночь снишься. Я подыхаю без тебя, Лена... – только хочу возмутиться этим искусным манипуляциям, как он падает на колени и трётся лицом о мои бедра, собрав платье гармошкой на поясице.

– Яровой, вставай. Не надо так. Саша, вставай.

– Нет, не встану... Я без тебя вообще ничего не хочу...

– Что за глупости??? Ты сам меня унижил. Ты сам оттолкнул! А теперь злишься, что я с Филей, вот и всё! Боишься, что мы с ним займёмся этим?! А уже поздно, Яровой! Уже поздно, потому что мы уже, понятно?!

– Чего? – спрашивает он, глядя исподлобья.

– Мы переспали с ним, ясно?! И больше не приходи. Больше не появляйся в моей жизни никогда. Я просто тебя ненавижу! За всё, Саша. За всё тебя ненавижу! – выкрикивая это, вся в слезах я убегая в свой подъезд. И не знаю для чего я всё это сказала... Зачем? Мне ведь точно не стало от этого легче... У меня внутри всё разрывается на тысячи частичек. Я слишком сильно его полюбила. А теперь всё, что делаю – живу прошлым. Не иду вперед. Не дышу полной грудью, а просто...

Живу воспоминаниями о нас...

И сгораю заживо.

Глава 10.

Александр Яровой (Яр)

Все мои мысли поглощены сказанным. Я ей не верю. Она бы никогда так не сделала. Кто угодно, но только не она. И всё равно я возвращаюсь на чёртов выпускной, выискивая глазами долбанного Филиппова. Кажется, по моему виду, он начинает понимать, что я сейчас на грани. В секунде от того, чтобы отправить его на тот свет. И, как ни странно, он заслоняет собой Маринку. Словно боится, что ей случайно прилетит.

– Ты трогал её? – спрашиваю с ходу, а эта дурочка выглядывает сзади из-за его плеча.

– Нет, он меня не трогал, Яр, успокойся.

Смотрю на него и он-то понимает, о чём идёт речь. Смотрит на меня с прищуром и лыбится.

– А что такое? Задело?

Специально, сука, провоцирует. Вижу, что ему реально доставляет удовольствие мучить меня. А у меня внутри из-за этого настоящая война. Сердце борется с разумом.

– Спроси у неё сам... Хотя вряд ли она скажет тебе правду.

– Филя, нахер! – рявкаю я, покрывшись иголками. Меня всего колотит. Представляя такой вот расклад, я вдруг осознаю, что не смогу этого пережить. Я скорее пойду с моста скинусь, чем приму это...

– Ты же занят, Яр. Чувствуешь к ней что-то? М? Признайся. Посмотри на Маринку и скажи, что ты к ней испытываешь! – выпаливает он, а я смотрю на них обоих по очереди, стискивая челюсть. – А хотя... Давай облегчим тебе задачу, красноречивый ты наш! Я её трогал. Трогал в тех местах, где было особенно классно, Яр. Она говорила, что ещё никогда так не кончала!

Звон в ушах. Крики. И мы с Филипповым... Разносящие половину зала чужой школы. Оба здоровые. Спортсмены. Отбитые джентльмены, в рот мне ноги.

– Гондон ты обосанный, – Филя давит, а я переворачиваю на лопатки. Бью, после чего снова переворачиваемся. Катаемся по полу как два индюка. Вся рубашка в крови. Кулаки чешутся. Будь тут улица, пыль бы стояла столбом, а так только запах и привкус металла во рту. Ненавижу его. Убить готов. За одни слова об этом.

– Чё ж ты за сука-то такая! Провокатор долбанный!

– От суки слышу!

Кулак за кулаком. Кто-то присвистывает, кто-то даже болеет за нас... Непонятно, кого хотят видеть победителем сильнее. Им просто нравится лицезреть эти бои без правил. И когда я начинаю его душить, меня за плечи обхватывает охранник и оттаскивает к стене. Наверное, я бы не смог до конца, но чувство разочарования не покидает воспаленный от ревности мозг.

Оба в крови, озлобленные и напряженные ждём приезда милиции. А там... Приезжает и мой отец собственной персоной.

– Допрыгался? У тебя машину кто-то сжёг! Какого чёрта ты творишь, Саша?!

Филиппов сидит рядом и молчит, глядя на меня.

– Знаешь, кто мог сделать это?! С кем ты ругался? – он смотрит на Влада. – Хотя у тебя, походу, вся школа недоброжелателей... Чё не поделили-то, парни?!

– Нихрена, – перебиваю я, а отец смотрит волком.

– Нихрена тебе... Нихрена – это то, что тебя теперь ждёт. Хрен тебе, а не новая машина. Эту отрабатывать будешь.

Сижу и колено ходит ходуном. Мне похрен на эту сраную тачку, на отца. Меня волнует только то, что я услышал. О них. От неё. Из уст, которые боготворю. Которые хотел бы целовать всю свою жизнь.

– Тебе чё кто-то тачку спалил? – спрашивает Филя, когда отец идёт выяснять что-то у милиционеров.

– Да.

– Так тебе и надо, козлина, – добавляет он, а я ржу. От отчаяния... Если бы мог, дотянулся и снова бы начал душить.

– Так мне и надо... Согласен... – смотрю я в пол, а Филя на меня.

– Не было у меня ничего с ней. И тот поцелуй, я насильно её засосал. Она не ожидала даже.

Едва он произносит это, как я обхватываю прутья своей решетки. Сжимаю так, что хочу вырвать с корнем и засунуть один в его задницу.

– Убью тебя, когда выйдем отсюда.

Филиппов ржёт.

– Посмотрим ещё, кто кого. От Маринки отъебись.

– Бля, да забирай ты её. Она мне нахуй не нужна. Заебала липнуть уже. Если бы не отец её я бы вообще никогда с ней не замутил, ясно тебе?!

– Аааа... Вот откуда ноги растут. А чё ты сразу-то ей не сказал? Девчонка там с ума сходит, думая, что ты расхититель пилотов.

– Филя, заткнись, нахрен. По-хорошему тебя прошу.

Этот debil гогочет, а к нам подходят отец и двое ментов.

– Чё, орлы, выпускаем? Осознали?

– Ага, – в голос пиздим, после чего отец тащит меня давать показания насчёт машины. Филя же смотрит мне вслед нахмуренным взглядом.

– И чё... Вообще не предполагаешь кто мог быть?

– Вообще нет. У отца много завистников, – отвечаю, сооротив самую равнодушную гримасу из всех имеющихся. Как вспомню взбудораженную Ленку с канистрой бензина... И восхищаюсь, и заржать хочется. Теперь я должен отцу сотни тысяч... Чудесно... Однако осознание, что она настолько сильно ревнует меня сводит с ума. Я понимаю, что ещё никогда не был так счастлив. Потому что она до сих пор моя. Невинная нетронутая. Моя.

– Ладно, если мы что-то найдём, я дам вам знать, – прощается с нами сотрудник, и мы с отцом идём в машину. Ну как идём... Он будто ведёт меня на невидимом поводке. Я ненавижу это чувство зависимости от него.

– Саша, от тебя столько проблем. Витёк никогда таким не был!

Ну, конечно. Старая пластинка... Идеальный старший сын.

– Вы чё из-за бабы подрались?

Игнорирую этот вопрос.

– Я же вижу, что ты не договариваешь что-то. Из-за чего этот конфликт? Может этот парень поджёт тачку?

– Нет, это не он. Я видел его в зале.

Пока едем, он ещё ругает меня и активно читает нотации, а я думаю лишь о том, как обнимал. Как целовал... Как прижимал к себе её хрупкое тело. Она же вся как идеальная фарфоровая кукла. Тёмные волосы, бледное чистое лицо. Огромные янтарные глаза... А на солнце они... Почти золотые... Запах волос ничуть не изменился. Я помню его до дрожи в коленях...

Когда я трогаю её, всё вокруг перестаёт существовать...

И я не знаю, как справиться с этим влечением, с этой неумолимой тягой. Когда касаюсь, в груди взвевает старый пепел. Угли начинают снова тлеть. Вспыхивает дурное пламя. Снова всё внутри меня поджигает. Гонимое предрассудками расходится по всему организму... Это она меня так заводит. Со спичечной головки до горящего синим огнём поля в десять соток.

Пусть она попрощалась и сказала, что ненавидит... Главное, что у неё ничего с ним не было.

А я уже не смогу без неё.
Должен вернуть. Обязан. Чего бы мне это не стоило.

Глава 11.

Доманская Елена (Мелкая)

Открывая глаза с самого раннего утра, вижу его расплывчатый фантом. Он снова был здесь со мной. Снова обнимал своими горячими крепкими руками. Непростительно близко к моей душе. В моих венах. Под кожей. В сердце. Вдребезги меня разбивая...

– Проснулась? Расскажешь, как прошло... Ты что-то рано вернулась, – забегают сестрёнка в мою комнату без стука. У неё в голосе столько задора и веселья, а я еле отхожу от этого мучительного сна.

– Кристин, я сейчас ещё немного полежу... Приду и поговорим.

– Эээх, – вздыхает она. – А Саша приглашал на танец? А просил прощения? А говорил, что жить без тебя не может?

– Что? Нет, – хмурюсь я, отрывая голову от подушки, и Кристина стягивает губы в куриновую гузку, глядя куда-то в сторону.

– Я вчера видела Илью...

– Я его тоже недавно видела.

– Он поздоровался. Спросил, как ты... А ещё сказал, что Сашка в последнее время сам не свой...

– Кристина, не начинай снова. Сама всё знаешь, – прерываю я её, заправляя кровать.

– Угу... Мама там оладьи сделала... Пойдём тогда завтракать. Кстати, Илья позвал нас с тобой на День Рождения его папы. Я согласилась! – выкрикивает она, убегая.

– Ты, что?! Кристина! – воплю ей в спину, но её уже и след простыл. Маленькое торнадо в юбке.

Я иду умыться, а потом прихожу на кухню завтракать.

– Ну, как прошло? – спрашивает мама.

Я вернулась домой около одиннадцати. Они уже почти спали.

– Нормально. Обычно...

Не считая того факта, что весь вечер я выясняла отношения, а ещё сожгла Сашину машину... Подумаешь...

Надеюсь, мама никогда об этом не узнает. Да и вообще кто-либо другой...

– Скучная ты, Ленка! – бурчит младшая, пока я мажу варенье на оладьи. Пусть я лучше буду для неё скучной, чем окажусь в тюрьме. И она решит, что такой пример поведения достоин её странных книжечек о любви.

– Угу.

– Лен, первый экзамен ведь в среду, верно? Русский?

– Угу.

– Хорошо...

Стараюсь побольше молчать. После завтрака буду заниматься в комнате и забуду о Саше. Не могу уже о нём думать. Просто физически и морально не справляюсь. Это хуже пытки. Все его вчерашние взгляды... Прикосновения... Дыхание... Слова.

Интересно, что он скажет родителям насчёт машины... И интересно, что он обо мне подумал... Насчёт последней моей фразы. Мне так стыдно, что я её сказала, но вместе с тем, я наконец дала ему понять, что больше не страдаю по нему. Что между нами всё кончено. Навсегда. С меня достаточно.

– Спасибо, – благодарю за завтрак и исчезаю в комнате. А уже там... Сколько бы не брала в руки учебник, все мысли об одном. Не могу сосредоточиться. Буквально схожу с ума, испытывая что-то такое, отчего мне кажется, что под кожей завелись какие-то паучки. Я и боюсь,

и нервничаю, и чешусь. Мне хочется пойти и сказать ему, что солгала. Но зачем? Что я, блин, изменю...

А около двенадцати в нашей квартире раздаётся звонок. Я тут же вздрагиваю. Паника настигает неожиданно. И я уже слышу, что Кристинка побежала открывать. А возвращается она ко мне с круглыми от удивления глазами.

– Лен, там... Этот... Ваш одноклассник... Как его... Высокий такой. В баскетбол с Сашей играет.

– Филиппов?

– Ага! Точно!

Эммм... Что ему нужно? Не понимаю...

Накидываю на себя кофту и выхожу на лестничную площадку, увидев его потрёпанное лицо.

– Дарова, Доманская...

– Вы что... Это Саша сделал???

– Да, Саша, но я не для этого пришёл, Ленка. Не чтобы жаловаться. Чё-то происходит. У Сани с отцом. Ты бы не рубила с плеча, выяснила сначала...

– Выяснила что?

– Отношения его с Мариной – херня. Кароч, течёт твой Яровой по тебе. До сих пор течёт. Слушая Влада, хмурюсь. Что-то сердечная мышца в последнее время сходит с ума. Барахлит. То заставляет его работать на износ, то вообще отказывается шевелиться.

И что мне делать с этой информацией? Как что-то выяснить? Филя будто мысли читает...

– У нас сегодня тренировка вечером на уличном стадионе. Приходи. Поговорите хотя бы...

– Влад... Я не уверена...

– Ты не тупи, Доманская. Чё вы как два дебила... Давайте уже... Двигайтесь навстречу друг другу.

Филя касается своей губы и шипит.

– Сука, опять закровоточило... Но ничё, я твоему Яровому тоже подправил кое-что... – лыбится он, а я погружаюсь в собственные мысли. Даже когда прощаюсь и закрываю за ним дверь.

Реально стоит пойти туда? Чтобы... Поговорить? И не будет ли это глупо с моей стороны... Унизительно? Недостойно?

Но с другой стороны, если даже посторонний человек что-то понял о наших чувствах, не пора ли взглянуть правде в глаза?

До самого вечера я мучаюсь этим вопросом. Но, собрав всю волю в кулак, иду к стадиону. Сначала наблюдаю издали, как Штирлиц. А потом всё же решаюсь выйти из тени.

Первым меня замечает Филя. Подмигивает и я смотрю за тем, как они носятся с мячом. А потом застывает и мой Яровой. Прямо посреди поля с мячом в руке. Стоит и не двигается, заметив меня, а между тем соперники отбирают его у него.

– Всё, тайм-аут, пацаны. Дайте им попиздеть, – прерывает Филя, подталкивая Яра в спину, а тот что-то бурчит себе под нос и харкает на землю, направившись ко мне.

Долго смотрим друг на друга. Ни один не может начать этот диалог. Меня потряхивает, его тоже. Смотрю в чёрные глаза и вижу в них отражение моих вчерашних дурных поступков.

– Не знаю, зачем так сказала. Мне теперь стыдно. Не в смысле перед тобой, а в целом, – признаюсь я, проглатывая ком.

– Забыли, – отвечает он, бегая глазами по моему лицу. – Отойдём немного?

– Зачем?

– Ну, ты же зачем-то пришла. Поговорить, очевидно.

Каждое его слово бьёт под дых.

– Я сама не знаю зачем пришла... Выпрашивать у тебя что произошло не в моих правилах. А ты очевидно не собираешься говорить, иначе давно бы сообщил...

– Ты всё правильно поняла, Доманская. Я сожалею обо всём, но... Жаловаться не буду.

– Понятно... Тогда мне, наверное, лучше уйти... – я уже хочу развернуться, но он обхватывает мои пальцы своими. Сжимает их, не выпуская из своей цепкой хватки. Перебирает. Чувственно стискивает. Как раньше.

– Не уходи... Посмотри немного как играем. Просто немного посиди. А потом я провожу тебя до дома.

Он смотрит так... Умоляюще, что я растерянно зависаю, глядя в его горящие, словно жерла вулкана, глаза. Ну вот как я могу ему отказать? Если я в них сгораю от эмоций?

– Хорошо. Я посижу немного, – мой взгляд касается наших рук. И Саша смотрит туда же. Чувствую тепло его кожи и испытываю непередаваемое наслаждение. Даже просто от прикосновений его пальцев. Эти воспоминания меня пополам режут. Одна часть искрится и будоражит... А вторая... Уничтожает.

– Хорошо, – он впервые за последнее время одаряет меня своей улыбкой и бежит играть, а я усаживаюсь на скамью неподалеку и с тяжестью на душе наблюдаю только за ним одним...

Глава 12.

Александр Яровой (Яр)

Блин, она здесь... Рядом. Она снова здесь, и у меня в груди что-то разрастается. Я ведь не забыл. Ни на секунду о ней не забывал. Стоило увидеть... Все уроки на неё только и пялился. Каждую ночь ко мне приходила... Колдовала, в щепки разбивая одеревенелое сердце. Так умело и так жестоко...

А когда Филя устроил этот цирк, у меня вообще сорвало крышу. Я никогда бы не подумал, что поверю в их союз, но, оказывается, ревность сильнее здравого смысла. Оказывается, она умеет бить так, что дезориентирует.

Когда игра заканчивается, я пью воду, переодеваюсь прямо там, вытирая со лба пот своей формой. Смотрю на Доманскую. И конечно же она, как всегда, отвернулась. Даже так она боится наблюдать за раздетыми парнями. Закидывая рюкзак на плечо, иду к ней. Только думаю о том, что ей говорить... Но... По большому счёту это не имеет никакого значения. Лишь бы побыть рядом хоть какое-то время...

Даже на небольшом расстоянии сердце рядом с ней оживает. Начинает чувствовать. Глаза наслаждаются. Визуальный эффект достигает своей цели. Она меня одним взглядом янтарных прикладывает на лопатки.

Когда подхожу, она встаёт со скамьи и следует за мной. Застенчиво глядя вниз, не произносит ни слова. И пусть снаружи у меня сплошная статика. Зато внутри такой хаос, что я не могу нормально вдохнуть воздух.

– Я скучал по тебе, – выдыхаю, слыша, как дрожит мой голос. – Очень скучал.

Она молчит. Я сам всё просрал, знаю. Но не мог иначе. И жаловаться сейчас тоже неправильно. Как бы там ни было... Но не могу промолчать. Уважать себя перестану. Она должна знать, что внутри.

– Что у тебя с родителями? – спрашивает напряженно. Почему так решила? Связано ли то, что она пришла с нашим с Филей вчерашним приключением?

– Всё в порядке, – отвечаю нехотя. Смотрю вдаль, а она на меня. И вдруг останавливается, полностью развернувшись ко мне своей миниатюрной фигуркой.

– Саш. Я всё понимаю, но... Это... Что-то совсем странное. Ты... Вчера ты целовал Марину, сейчас говоришь, что скучал.

– А ты целовала Филю, – перебиваю я. Спорить не хочу, а лишь, как всегда, защищаюсь... Отмазываюсь. Ведь знаю по сути, что виноват. Этого не исправить сопливыми речами.

– Это он меня целовал. Не я его. Если бы ты задержался хотя бы на секунду, ты бы увидел, что я оттолкнула его. Потому что не ожидала просто...

– А зачем провоцировала?

– Ты ведь сам понимаешь. Когда тебе причиняют боль, хочется сделать больно в ответ. Но я жалею. Особенно, потому что вы подрались, – добавляет она, выстроив бровки домиком.

– Всё это херня. Мы же не убили друг друга. Хотя я был близок...

– Не говори глупостей, ладно?

– Окей, Доманская. Рот на замок. Потому что всё, что я говорю – сплошные глупости... – отшучиваюсь я и смотрю на неё.

– Ага, – улыбается она в ответ. И я хочу немного перевести тему пока мы не поругались снова...

– Как мелочь? Мама? Ненавидят меня?

– Я ничего не рассказывала, но... Да, тебя считают ошибкой.

– Ау... Больно, – признаюсь, а она пожимает плечами. – Но справедливо. Сам виноват. Прости меня за... Тот раз в раздевалке.

– Если тебя утешит, это было самое ужасное событие, что было в моей жизни...

– Нет, Лен. Не утешает, – хмурюсь я, достав из кармана её брелок. – Может всё же хочешь его вернуть?

– Ты до сих пор его носишь? Зачем?

– Потому что от тебя. Это вроде как логично...

– Не совсем. Саша, – Лена снова останавливается и заглядывает прямо в мои глаза, обезоруживая. – Что у тебя с Мариной?

– Ничего. Как и было раньше. Просто... Блин, Лен. Просто наши отцы, они типа... Зависят друг от друга. В плане бизнеса.

– И... Ты поэтому с ней? – спрашивает она, а мне толком и ответить нечего. Мне самому тошно.

– Я не с ней.

– Понятно, – отвечает она расстроенно и идёт дальше.

– Не сходишь со мной поужинать? Ну или в кино... Я обещаю, что...

– Нет, Саша, – перебивает она уверенно. – Точно нет. В среду первый экзамен. Я рада, что мы поговорили. Но мне надо готовиться.

– Понял тебя...

– Береги себя, Саш, – говорит она перед своим подъездом и уже собирается уйти, но потом всё же задумывается и возвращается, обняв меня. А я прижимаю её к себе. Столько тепла. Столько общей энергетики. Она меня с ног сбивает. Я весь рядом с ней как жидкая субстанция растекаюсь... Её обалденный запах заставляет меня млеть и каждый волосок на теле дыбится, стоит только вдохнуть его. Я так соскучился. Я ведь всё это время только ей бредил. Снилось мне постоянно. Дрожала подо мной как раньше. Тряслась, но хотела меня... Смотрела во снах. Звала.

– Пока, Саш, – она уходит, а у меня будто сердце из груди вырывают. Так больно и так мало её. Словно вынули что-то жизненно важное. Как держаться, если всё вокруг только о ней?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.